

ЧЕЛОВЕК И КНИГИ

Это произошло в Ленинграде в первую, самую страшную блокадную зиму.

Из блокированного города все время вывозили людей — «дорогой жизни», через Ладогу, и самолетами. Моему знакомому ленинградцу Борису Давыдовичу достался путь воздушный. А он предпочитал уходить на фронт. Причина в том, что для улетающих все багажа строго ограничивался — десять килограммов на человека, и ни грамма больше.

У Бориса Давыдовича весь багаж составляли книги. Он был по основной специальности химик, а по страсти — библиофил. И, как сам говорил мне, даже не женился, потому что боялся, как бы жена не наложила запрета на его книжные траты.

Его библиотека была невелика, но все же содержала около сотни поистине уникальных изданий. На несколько его книг безуспешно покусались «царь» наших кинолюбителей, артист и писатель Смирнов-Соколенский. Кстати, он-то однажды и познакомил меня с Борисом Давыдовичем.

...Под утро перед его отлетом я зашел к Борису Давыдовичу на квартиру — он просил меня помочь ему добраться до Смольнинского аэродрома. Я застал его сидящим посередине комнаты на груди книг. Перед ним стоял чемодан, наполненный книгами же.

— Немыслимо сверх нормы получается... — с нарочитой небрежностью сказал Борис Давыдович.

Я попробовал поднять чемодан и не смог. Сказал ему:

— Лишнее выбросить на аэродроме, лучше оставьте дома.

— Но это же — варварство! — вдруг разозлился Борис Давыдович. — Неужели никто не понимает, что это за книги? Мы просто обязаны сохранить их. Они дороже меня. Да, гораздо дороже! И если на аэродроме прикажут выбрасывать книги, я откажусь от полета в пользу книг. Пусть летят одни книги. А там, на Большой земле, их примут и сохранят.

Я стал просматривать уложенные в чемодан. Действительно, что ни книга, то жемчужина русской культуры. Борис Давыдович комментировал:

— Во всей России этой книги всего три, от силы четыре экземпляра... А в этой на полях заметки Льва Толстого. Собственноручные! Это же путешествие Радищева! Первое издание. Понимаете вы это?... А это! Вы думаете, просто библия? Откройте! Видите записки между строк? Дневник неизвестного узника Шлиссельбург! Совершенно изумительный документ!...

Я твердил свое:

— Выбросят на аэродроме...

Вдруг Бориса Давыдовича осенила идея. Он надел пиджак, перепоясался поверх ремнем и начал загибать книги из чемодана за пазуху. Потом надел пальто, снова перепоясался и снова загибал десятком книг. Он стал толстеть, как бочка, и не мог двигать руками. Сунул мне в руки нож и приказал:

— Распорите мне рукава под мышками!

Теперь он мог двигать руками, и вскоре, привязав чемодан к саночкам, мы отправились на аэродром. Просто непонятно, как Борис Давыдович выдержал этот путь. Ведь он был уже пожелтым, порядком истощенным человеком.

На аэродроме в одной из землянок происходи-

ло авиационное и беспощадное усеменение багажа эвакуируемых. Девушка в солдатской шинели делала описи оставленных вещей. Мы с Борисом Давыдовичем стояли последними. За столиком сидел усталый летчик. Все бросалось с просьбами и жалобами к нему, и всем он, не поднимая глаз, говорил одну и ту же фразу:

— Десять килограммов — и ни грамма больше. Наконец мы вдвоем взгромоздили чемодан на весы. Девушка с возмущением посмотрела на нас и спросила:

— Это багаж на двоих?

— Да, — мгновенно ответил Борис Давыдович и тут же добавил: — Впрочем, нет — леву я один.

— Выбросить двадцать девять килограммов, — холодно распорядилась девушка.

Борис Давыдович подошел к летчику и как-то торжественно сказал:

— Я не могу выбросить ни одного килограмма!

— Золотые слитки? — устало спросил летчик.

— Книжки, — отрезал Борис Давыдович.

— Какие книги? — поднял взгляд летчик.

— Одним словом, радные, — ответил Борис Давыдович.

— Я собираюсь книги.

— Откройте чемодан, — приказал летчик.

Он брал из чемодана книгу за книгой, просматривал их и аккуратно клал обратно. Одну он просматривал особенно внимательно и сказал:

— За этой книгой я давно охотился...

— Возьмите, — отрешенно сказал Борис Давыдович.

Летчик глянул на него с усмешкой и сказал:

— Закройте чемодан и ташите в самолет.

— И ничего не выбрасывать? — почти шепотом спросил Борис Давыдович.

— Ясно сказано — быстрее ташите в самолет.

А то передумаю...

И тут Борис Давыдович заплакал. Он стоял над своим чемоданом и беззвучно трясся. Летчик закрыл чемодан, взял и пошел к выходу. Я догнал его уже на поле и перенял чемодан.

— Вы кто такой? — спросил летчик.

— Знакомый.

— За пазухой у него тоже книги?

— Тоже.

— Скажите ему: как взлетит, пусть вынет все, а то задонит нас не ровни нас...

Летчик подмигнул мне и пошел вперед. За нами, еще порывавшая ноги, плелся Борис Давыдович. Я подождал его.

— Я... негодяй! — задыхаясь сказал он. — Я же обманул этого святого человека! Я не сказал, что у меня за пазухой.

— Он знает, — ответил я.

Д. СОЙФЕРТИС

ИЗ ФРОНТОВЫХ РИСУНКОВ

Концерт в бригаде.

В перерыве между боями.

Некогда.